

«Уроки музыки»... // Лит. Россия. 1970. 26 июня; Михайлов А. Открытие Пушкина // Михайлов А. Ритмы времени. М., 1973; Колмановский Е. Трудно быть поэтом // Звезда. 1976. № 3; Антокольский П. Белла Ахмадулина // Антокольский П. СС. М., 1973. Т. 4; Чупринин С. Белла Ахмадулина: я воспою любовь // Чупринин С. Крупным планом. М., 1983; Новиков В. Боль обновления // Лит. обозрение. 1985. № 1; Ерофеев Вик. Новое и старое: Заметки о творчестве Беллы Ахмадулиной // Октябрь. 1987. № 5; Мустафин Р. Поиск алгоритма: Заметки о поэзии Беллы Ахмадулиной // Дружба народов. 1985. № 6; Маргвелашвили Г. Когда на нас глядит поэт (Белла Ахмадулина) // Маргвелашвили Г. Когда на нас глядит поэт... М., 1990; Винокурова И. Тема и вариации: Заметки о поэзии Беллы Ахмадулиной // Вопр. лит.-ры. 1995. Вып. IV. Березин В. Тяжелый подвиг — быть пылким и возвышенным: [рец. на «Миг бытия»] // Лит. газ. 1997. № 44. 29 окт.

М. Ф. Пьяных

АХМАТОВА (настоящая фамилия Горенко) Анна Андреевна [11(23).6.1889, Большой Фонтан, близ Одессы — 5.3.1966, Домодедово, под Москвой; похоронена в пос. Комарово под Петербургом] — поэт.

Отец Андрей Антонович Горенко был инженером-механиком флота, капитаном 2-го ранга; в 1890 семья поселилась в Царском Селе. В столичном Морском ведомстве и учебных заведениях отец занимал различные административные и преподавательские должности. В семье было шестеро детей.

А. А. Ахматова

Отец не вникал в жизнь дома и вскоре ушел из семьи. К ранним поэтическим занятиям своей дочери относился весьма скептически и раздраженно. По этой причине первая публикация («**На руке его много блестящих колец...**») в издававшемся Н. Гумилевым в Париже ж. «Сириус» (1907. № 2) появилась под инициалами А. Г. Затем она придумала себе псевдоним, выбрав фамилию своей прабабки, ведшей род от татарского хана Ахмата. Впоследствии А. рассказывала: «Только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы... Мне потому пришло на ум взять себе псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: „Не срами мое имя“. — „И не надо мне твоего имени!“ — сказала я...» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой // Нева. 1989. № 6. С. 38).

В отличие от отца, мать А. была неизменно чуткой, внимательной к занятиям дочери. Поэтический талант шел, по-видимому, именно от нее. В родне матери были люди, причастные к лит.-ре. Например, ныне забытая, а когда-то известная Анна Бунина (1794–1829) (названная А. «первой русской поэтессой») приходилась теткой отцу матери Эразму Ивановичу Стогову, оставившему небезынттересные «Записки», опубликованные в свое время в «Русской старине» (1883. № 1–8).

В Царском Селе А. училась в Мариинской гимназии, а лето обычно проводила вместе с семьей под Севастополем. Впечатления от Причерноморья впоследствии отразились в различных произведениях, в т. ч. в ее первой поэме «**У самого моря**» (1914). Сильнейшей любовью, духовной и поэтической родиной оставалось до конца жизни Царское Село, неотрывное от имени Пушкина. Стихи начала писать рано и в девические годы написала их около 200; отдельные стихи, дошедшие до нашего времени, относятся к 1904–05 (см.: Памятники культуры. 1979. Л., 1980. С. 140–144). В 1903 познакомилась с Н. Гумилевым — он был старше ее на 3 года и тоже учился в Царскосельской гимназии. (Они поженились в 1910.) После развода родителей А. вместе с матерью переезжает в Евпаторию — ей грозил туберкулез, бывший бичом семьи. Гимназический курс она проходила на дому. Но уже в 1906–07, несколько оправившись, стала учиться в выпускном классе Фундуклеевской гимназии в Киеве, а в 1908–10 на юридическом отделении Высших женских курсов. Все это время не переставала писать стихи. Судя по немногим из них сохранившимся, а также по выска-

званиям самой А., на нее оказывали тогда заметное влияние В. Брюсов, А. Блок, несколько позднее М. Кузмин, а также французские символисты и «проклятые» (П. Верлен, Ш. Бодлер и др.), из прозаиков К. Гамсун. Весной 1910 А. вместе с Н. Гумилевым уезжает в Париж. Там произошло ее знакомство с А. Модильяни, запечатлвшим облик 20-летней А. в карандашном портрете.

После первой публикации в «Сириусе» А. печаталась во «Всеобщем ж.» (1911. № 3), ж. «Gaudeamus» (№ 8–10), а также в «Аполлоне» (№ 4). Последняя публикация вызвала сочувственный отклик В. Брюсова (Русская мысль. 1911. № 8). Стихи же в «Аполлоне» вызвали пародию В. П. Буренина (Новое время. 1911. 29 апр.). В том же году состоялось и первое публичное выступление А. с чтением своих стихов в Обществе ревнителей худож. слова. Получила она и твердое одобрение своей поэтической работы от Н. Гумилева, до того относившегося к стихотворным опытам своей невесты и жены с некоторой сдержанностью и осторожностью. Каждое лето, вплоть до 1917, А. проводила в имении своей свекрови Слепнево (Тверская губ.), которое сыграло в ее творчестве значительную роль. Скудная, по ее словам, земля этого края дала ей возможность прочувствовать и познать потаенную красоту русского национального пейзажа, а близость к крестьянской жизни обогатила знанием народных обычаев и языка. В ахматовской поэтической топонимике Слепнево занимает наряду с Царским Селом, Петербургом, Москвой и Причерноморьем особое и безусловно важное место (см.: Крюков А. Тверское уединенье // Волга. 1981. № 3). В том же 1911 она была введена в состав организованного Н. Гумилевым «Цеха поэтов», где исполняла обязанности секретаря. В 1912 «Цех поэтов» сформировал внутри себя группу акмеистов, которая провозгласила в своих манифестах и статьях опору на реалистическую конкретность, начав тем самым творческую полемику с символистами. Появившаяся в 1912 первая книга А. «Вечер» (СПб.) не только отвечала требованиям, сформулированным вождями акмеизма Н. Гумилевым и С. Городецким, но в какой-то степени и сама послужила худож. обоснованием для акмеистических деклараций. Книге предпослал предисл. М. Кузмин, отметивший характерные для ахматовской поэзии черты: острую восприимчивость, приятие мира в его живой, солнечной плоти и — одновременно — внутреннюю трагедийность сознания. Он также подметил в худож. мире А. и связь кон-

кретных предметов, вещей, «осколков жизни» с «переживаемыми минутами». Сама А. эти особенности своей поэтики связывала с воздействием на нее И. Анненского, которого она называла «учителем» и чей «Кипарисовый ларец» был для нее в те годы настольной книгой. Наиболее чуткие критики (В. А. Чудовский, Н. Недоброво, В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум) указывали на близость А. к традициям русского реализма, в т. ч. и классической прозы.

Акмеистическая эстетика, верность которой А. подчеркивала и в поздние свои годы, противостояла символизму: «Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми 20 века и не хотели оставаться в предыдущем...» (Ахматова А. Соч.: в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 248). В 1912–13 она охотно выступала с чтением стихов в кабаре «Бродячая собака», во Всероссийском лит. обществе, на Высших женских (Бестужевских) курсах, в Тенишевском училище, в здании Городской думы и имела исключительно большой успех. О. Мандельштам запечатлел ее облик в стих. «Ахматова» («На равнодушных поглядела...») во время ее выступления в «Бродячей собаке» в 1912. 18 сент. 1912 у А. и Н. Гумилева родился сын Лев (будущий историк и географ, автор одного из крупнейших достижений XX в. — этнологической теории). Слава А. после появления «Вечера», а затем «Четок» (1914) оказалась головокружительной — на какое-то время она явно закрыла собою многих своих современников-поэтов. А. была красивейшей женщиной эпохи, пленительной звездой петербургских салонов. То было явление Поэта в облике женщины. О «Четках» высоко отзывались М. Цветаева («Анне Ахматовой»), В. Маяковский, по свидетельству Лили Брик (Лит. Ленинград. 1934. 14 апр.), Б. Пастернак (Воздушные пути. М., 1982. С. 448). Ее называли русской Сафо, она сделалась излюбленной моделью для художников (А. М. Зельманова-Чудовская, С. А. Сорин, Н. И. Альтман, О. Л. Делла-Вос-Кардовская и др.), стихотворные посвящения составили антологию «Образ Ахматовой» (Л., 1925), куда вошли произведения А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Лозинского, В. Шилейко, В. Комаровского, Н. Недоброво, В. Пяста, Б. Садовского.

По общему справедливому мнению, А. была несравненным по поэтическому своеобразие художником любви. Ее новаторство первоначально проявилось именно в этой традиционно вечной теме. И критика, и поэты, и читатели отмечали «загадочность» ее

лирики; при всем том, что стихи казались страничками писем или оборванными дневниковыми записями, крайнее немногословие, скупость речи оставляли впечатление немоты или перехвата голоса. Перед читателями 1910-х, привыкшими к пестроте поэтических групп, к символистским «провалам» и «безднам», к жеманничанью «дамской» поэзии, к декадентской «распутице», возник художник большой и своеобразной силы. А. в своих стихах, как и в жизни, была очень женственна, но в нежности ее поэтического слова выявлялись власть и энергия. Лирика А., внешне не похожая ни на чью из современников и ни на чью из предшественников, была тем не менее достаточно глубоко укоренена в русской классике.

С появлением «**Белой стаи**» (1917) стало ясно, что лирическая тема у А. была шире и многозначнее обозначенных конкретных ситуаций. В стихи А. входила эпоха. Уже редко кто по привычке мог назвать А. поэтом «несчастной любви»: в стихах, предшествовавших «Четкам», и особенно после выхода этой книги возник иной масштаб. О. Мандельштам в это время писал: «Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой», «...в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России» (см.: День поэзии. М., 1981. С. 196). Одним из первых, кто не только увидел этот новый масштаб, но объяснил его, предугадав едва ли не весь будущий путь А., был Н. В. Недоброво (см.: Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. № 7). Он отметил не только трагедийность ее мироощущения, но и внутреннюю мужественность — это наблюдение А. особенно ценила. Об органичной твердости ее души и стиха никто до Н. Недоброво не говорил, лишь привычно отмечали ее пресловутую хрупкость и надломленность. Как показала вся дальнейшая жизнь, давшая лит-ре «**Реквием**» и «**Поэму без героя**», — трагедийность и мужественность были главными свойствами ее поэтического таланта.

После революции А. издала сб. «**Подорожник**» (1921), «**Anno Domini MCMXXI**» (1921). В отличие от многих своих друзей и знакомых она не эмигрировала. Знаменитой стала ее поэтическая инвектива «**Мне голос был. Он звал утешно...**» (1917), подтвержденная через 5 лет замечательным стих. такого же смысла: «**Не с теми я, кто бросил землю...**» (1922). Часть эмиграции отнеслась к этим стихам с большим раздражением. Стали говорить об упадке ее таланта, о лит. конце поэта. Но и в сво-

ей стране А. после революции не находила должного понимания — в глазах многих она оставалась поэтом старой России, «обломком империи». Эта версия преследовала А. всю жизнь — вплоть до печально известного Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946). Несмотря на разного рода идеологические запреты, поэтическая работа А. никогда не прерывалась и песенный дар не покидал поэтессу. А. всегда резко протестовала против того, чтобы ее «замуровывали» в 1910-е. На протяжении последних четырех десятилетий она стала много заниматься пушкинской эпохой, в т. ч. и архитектурой Петербурга; зарождается ее исследовательский интерес к Пушкину, и работы А. в этой области — «**Последняя сказка Пушкина**», «**Сказка о золотом петушке**», «**„Адольф“ Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина**», «**„Каменный гость“ Пушкина**», «**Гибель Пушкина**», «**Александрина**», «**Пушкин и Невское взморье**» и др. (см.: Ахматова А. **О Пушкине: Статьи и заметки**. Л., 1977) — были высоко оценены авторитетными учеными-пушкинистами.

1930-е были в жизни А. временем тяжелых испытаний. Приближалась мировая война. Предвоенные стихи (1924–40), собранные в «**Тростнике**» и «**Седьмой книге**» (сб. подготавливались поэтессой, но отдельно изданы не были), свидетельствуют о расширении диапазона лирики А. Трагедийность вбирает в себя беды и страдания миллионов людей, ставших жертвами террора и насилия в ее собственной стране. Репрессии коснулись и ее семьи — был арестован и сослан сын. «Муж в могиле, — сын в тюрьме / Помолитесь обо мне...» («**Реквием**»). Народная трагедия, ставшая и ее личной бедой, давала новые силы ахматовской Музе. В 1940 А. пишет поэму-плач «**Путем вся земля**» (начата в марте 1940, впервые опублик. целиком в 1965). Эта поэма — с образом похоронных саней в центре, с ожиданием смерти, с колокольным звоном Китежа — непосредственно примыкает к «**Реквиему**», создававшемуся на протяжении всех 1930-х. «**Реквием**» гениально выразил великую народную трагедию; по своей поэтической форме «**Реквием**» близок к народному причету. «Сотканный» из простых слов, «подслушанных», как пишет А., в тюремных очередях, он с потрясающей поэтической и гражданской силой передал и время, и страдающую душу народа. «**Реквием**» не был известен ни в 1930-е, ни много позже (опубл. в 1987), как, впрочем, не были известны со-

путствовавшие ему «Черепки» и мн. др. произведения поэта.

В годы Великой Отечественной войны, эвакуировавшись из осажденного Ленинграда в начале блокады, А. интенсивно работала. Широко известными стали ее патриотические стихи «Клятва» (1941), «Мужество» (1942): «Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет». Все военные годы и позже, вплоть до 1964, шла напряженная работа над «Поэмой без героя», которая стала центральным произведением в ее творчестве. Это широкое полотно эпико-лирического плана, где А. воссоздает эпоху «кануна», возвращаясь памятью в 1913. Возникает предвоенный Петербург с характерными приметамы того времени; появляются, наравне с автором, фигуры Блока, Шалапина, О. Глебовой-Судейкиной (в образе Путицы-Психеи, бывшей одной из ее театральных ролей), Маяковского и др. А. судит эпоху, «пряную» и «гибельную», грешную и блестящую, а заодно и себя вместе с нею. Поэма широка по размаху времени — в ее эпилоге возникает мотив воюющей с фашизмом России; она многопланова и многослойна, исключительно сложна по своей композиции и подчас зашифрованной образности. В ней с полной силой выразился историзм мышления А.

В 1946 известное постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» вновь лишило А. возможности печататься, но поэтическая работа, по ее словам, все же никогда не прерывалась. Постепенно происходило, хотя и медленно, возвращение на печатные страницы, и ее стихи вновь вызвали восхищение своей худож. силой и неувядающей свежестью слова. В 1964 ей была вручена в Италии премия «Этна Таормина», а в 1965 присуждена в Оксфорде почетная докторская степень. Последней книгой А. оказался большой сб. «Бег времени» (1965), ставший главным поэтическим событием того года и открывший мн. читателям весь огромный творческий путь поэта — от «Вечера» до «Комаровских набросков» (1961).

Подлинным триумфом в посмертной судьбе А. стал ее 100-летний юбилей, широко отмеченный страной и — по решению ЮНЕСКО — во всем мире.

А. — классик русской лит-ры. Впервые в лирике, в любовной мольбе так мощно зазвучала эпоха. Неповторимы масштабность поэтической личности А., ее тончайший и всегда открытый многообразным звукам мира художнический слух, ее воспаленная совесть. Творчество А., связанное с исканиями и до-

стижениями мировой поэзии XX в., в т. ч. и поэтическим авангардизмом, продолжившее новаторские пути в словесном искусстве, является вместе с тем живым продолжением национальной русской лит-ры, оно прочно и глубоко укоренено в ней.

Соч.: Соч.: в 5 кн. / сост. и примеч. Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. М., 1989; Соч.: в 2 т. М., 1990; СС: в 6 т. / сост., комм. Н. В. Королевой. М., 1998–2002; Стихотворения и поэмы / сост., комм. В. М. Жирмунского. Л., 1976. (Б-ка поэта. Б. серия); Стихотворения и поэмы / сост. и прим. Н. А. Жирмунской. Л., 1984. (Б-ка поэта. М. серия); Стих. и поэмы / вступ. статья и сост. А. И. Павловского; прим. М. М. Кралина. Л., 1989; Узнают голос мой...: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / вступ. статья Л. А. Озерова; сост. и комм. Л. А. Озерова и Н. Н. Глан. М., 1989; Записные книжки (1958–1966). М.; Турин, 1996.

Лит.: Эйхенбаум Б. Ахматова: Опыт анализа. Пг., 1923; Виноградов В. О поэзии Ахматовой: Стилистические наброски. Л., 1925; Жирмунский В. М. Творчество Ахматовой. Л., 1973; Павловский А. И. Анна Ахматова: Жизнь и творчество. М., 1991; Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники. Воспоминания. Письма. М. 1991; Лукницкий П. Н. Асумiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Париж. 1991–97; Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1–3. М., 1996–97; Петербург Ахматовой: семейные хроники. Зоя Борисовна Томашевская рассказывает. СПб., 2000.

А. И. Павловский

АЧАИР Алексей (настоящее имя Алексей Алексеевич Грызов) [5(17).9.1896, ст. Ачирская близ Омска (по др. данным — Омск) — 16.12.1960, Новосибирск] — поэт.

Родился в семье офицера Сибирского казачьего войска. В 1914 окончил Омский кадетский корпус. Отказавшись от военной карьеры, поступил на инженерное отделение Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве, где проучился 3 года. А. не принял революции 1917. Участник Белого движения. С отступающими войсками А. В. Колчака совершил Сибирский Ледяной поход по тайге. После поражения армий Колчака скитался (Китай, Корея, Филиппины) (См.: Мелихов Г. В.— С. 163). В 1922 оказался во Владивостоке, редактировал дальневосточную газ. «Последние новости». В 1923 вместе с отцом эмигрировал в Харбин, где постоянно жил до сент. 1945. Служил секретарем образовательного отдела харбинского Христианского союза молодых людей, занимался лит. и педагогической деятельностью. Издал брошюру «Христианский союз молодых людей в Харбине» (1923). Как пи-